

XV
49424

1-я экз.

ОТЕЧЕСТВО

№ 10

ЦЕНА 10 К.
НА СТАНЦИЯХ
Ж.Д. 12 К.

ПЕТРОГРАДЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИЖНОТКА

1915 г.

НА ПОРОГЪ НОВАГО.

СТАТЬЯ А. С. ИЗЮКОВА.

ПЕРЕЛОМЪ въ войнѣ уже намѣтился. Это не значитъ, что война скоро кончится. Возможно, что по времени мы прошли только меньшую половину пути, а большая—впереди.

Но общій характеръ событій уже опредѣлился. Австрія и Турція наканунѣ разгрома. Германия, предвидя отходъ своихъ союзниковъ, изъ наступательнаго переходитъ въ оборонительное положеніе. Она замкнется въ своихъ переплетенныхъ проволочными загражденіями предѣлахъ и будетъ отсиживаться, производя временами партизанскіе набѣги въ разныя стороны. Сколько времени будетъ она отсиживаться, зависитъ отъ бдительности англійскаго флота, отъ предложенныхъ ей условій мира, отъ урожая ея полей и положенія промышленности.

Въ международныхъ вопросахъ для насъ теперь центръ тяжести, конечно, въ Константинополь и проливахъ. Война эта, славная для Россіи, должно, очевидно, дать намъ свободный выходъ изъ Чернаго моря. Владѣя ключами отъ своего дома, мы дѣлаемся полными господами своей страны. Миръ, внѣшній и внутренній, миръ почетный и длительный нуженъ будетъ намъ для развитія нашихъ силъ, для использования открывающихся необъятныхъ возможностей.

Миръ внутренній, конечно, понятіе относительное. Въ огромной и по пространству и по числу жителей, молодой, развивающейся странѣ всегда будетъ множество группъ съ противоположными интересами, и борьба между ними неизбежна.

Безъ такой борьбы жизнь превратилась бы въ гниющее болото. Но на каждой ступени культуры создаются свои особыя формы, въ которыя и должна укладываться эта неизбежная борьба.

Въ текущемъ году исполнится десять лѣтъ послѣ того, какъ Высочайшею подписью „принять къ руководству“ было подтверждено заявленіе всеподаннѣйшаго доклада гр. С. Ю. Витте, что „Россія переросла формы существующаго строя; она стремится къ строю правовому, на основѣ гражданской свободы“.

Землеустроительныя реформы стремятся сѣрую общинную крестьянскую массу замѣнить крестьянами

земледѣльцами—личными собственниками. Надо признать, что таковъ именно ходъ мірового развитія и перестать безплодно тратить силы въ борьбѣ съ неизбежнымъ. Правовая, новая Россія можетъ обезпечить свое могущество, только опираясь на здоровое зажиточное крестьянство. Этотъ классъ, какъ, впрочемъ и всякая другая социальная группа, имѣетъ свои специфическія отрицательныя стороны. Но въ мірѣ, въ которомъ еще не прекратилась взаимная борьба государственныхъ тѣлъ, не можетъ быть сильнаго государства безъ сильнаго крестьянства. 1914-ый годъ ярче всякихъ рѣчей показалъ намъ, что мы должны быть сильны, иначе насъ раздѣлятъ и съѣдятъ. Этотъ же годъ показалъ намъ, что сила Германіи не только въ ея техническихъ успѣхахъ, а и въ томъ, что, несмотря на развитіе своей промышленности, она смогла поддержать на высокомъ уровнѣ и свое земледѣліе.

И теперь наиболѣе уязвимое мѣсто нашего врага—вопросъ хлѣбнаго питанія. Германия давно бы лежала у ногъ Англии, если бы не подняла всѣми средствами производительности своихъ земель.

Однако, того, что и мы дадимъ нашему крестьянину названіе личнаго собственника, еще мало, чтобы пробудить въ немъ присущую личному собственнику энергию, надо сдѣлать его гражданиномъ, увѣреннымъ въ своихъ правахъ, гордымъ и смѣлымъ, знающимъ и предпримчивымъ, свободнымъ отъ постороннихъ давленій.

Однимъ словомъ, въ какую бы сторону ни взглянуть, вездѣ мы видимъ, что жизнь вплотную подвела насъ къ рѣшенію правовыхъ вопросовъ.

Десять лѣтъ тому назадъ русское общество получило предметный урокъ въ безплодности максимализма. Нѣтъ худшей тактики, чѣмъ поднимать всѣ вопросы сразу и по каждому ставить максимальныя требованія. Такая тактика обречена на вѣрную неудачу. Ее всегда умѣютъ использовать въ своихъ интересахъ враги всякихъ реформъ, чтобы воспрепятствовать малѣйшему движенію впередъ.

(Перепечатка воспрещается).

Съ подарками на передовыя позиціи.

Такое положение диктуетъ опредѣленную линію поведения.

Трудно предвидѣть, какой изъ отдѣльныхъ вопросовъ, какая изъ необходимыхъ реформъ станетъ первою на очередь. Это зависитъ отъ многихъ общественныхъ услови и личныхъ комбинаціи.

Что бы ни стало на первую очередь, надо пожелать, чтобы русское общество овладѣло, наконецъ, не дающимся ему основнымъ политическимъ талантомъ: умѣнемъ въ рѣшительныя минуты дѣлиться . . . на . партіи . отменяя всѣ спорныя вопросы,

.
.
.
.

Понятно, что въ основѣ нашихъ общественно-политическихъ неудачъ лежатъ болѣе глубокія причины, чѣмъ тѣ или иныя ошибки группъ и отдѣльныхъ личностей. Но въ той узкой области, которая до перехода изъ міра возможнаго въ міръ осуществимаго пред-

оставлена всецѣло въ распоряженіе дѣйствующихъ на поверхности политическихъ группъ и ихъ вождей, ихъ ошибки, ихъ неумѣнье согласовать свои дѣйствія всегда причиняли большой вредъ.

Страна хочетъ дѣйствительныхъ улучшеній, реального облегченія своей жизни. Она перекормлена программами, и самыми широкими и самыми благоразумными. Теперь она требуетъ дѣла, а не новаго развертыванія программъ.

.
.
.
.

Большую часть нашихъ силъ мы еще должны отдавать армии, раненымъ и больнымъ воинамъ, заботамъ объ ихъ семьяхъ и все возрастающему въ своей сложности и настоятельности вопросу о дороговизнѣ жизни въ городахъ, о недостаткахъ снабженія.

(Перепечатка воспрещается.)

За чтением газеты.

• Но одну мысль надо уже теперь вбивать въ общественное сознание. Работа, которая предстоит послѣ войны, сводится не къ провозглашенію новыхъ лозунговъ, а къ осуществленію тѣхъ преобразованій, которыя уже получили болѣе или менѣе осязательную форму въ работахъ перваго десятилѣтія нашего представительства. Дѣло это чрезвычайно трудное, потому что каждому реальному шагу впередъ, какъ бы скромнѣе онъ ни былъ (хотя бы на примѣръ третьедумскій проектъ волостного земства) противостоятъ могущественныя реальныя силы. Чтобы осуществить малѣйшее преобразование, необходимо дружное напряженіе *всѣхъ* силъ, Это дружное напряженіе невозможно въ атмосферѣ взаимной полемики, взаимнаго недоверія, постоянныхъ подозрѣній. Знаменитымъ лозунгамъ „врозь идти, но вмѣстѣ бить“ у насъ сплошь и рядомъ прикрывали создание такой именно противообщественной атмосферы, исключавшей возможность общей работы. Общественная мысль облакалась такимъ

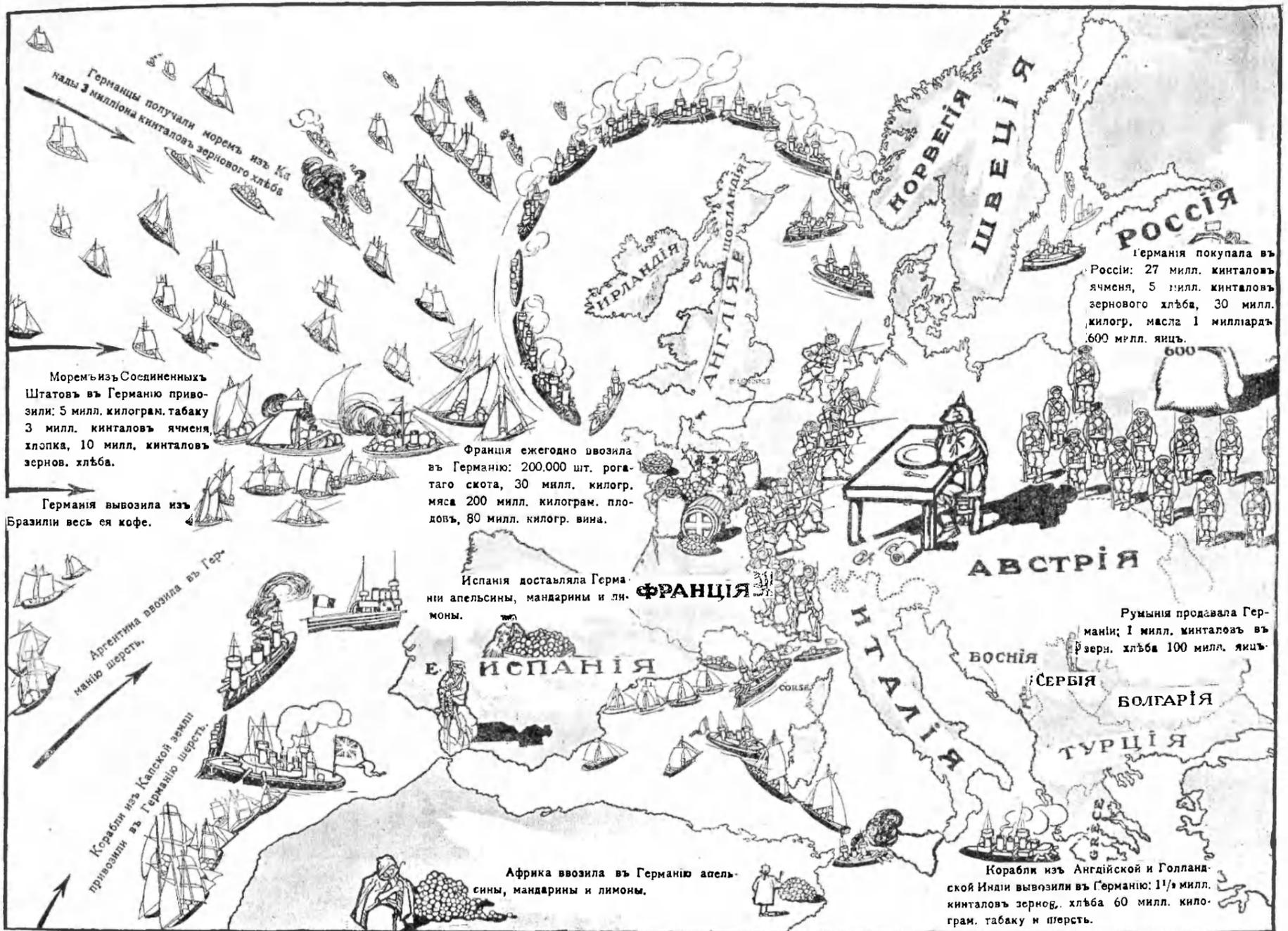
густымъ и ядовитымъ туманомъ, что, идя врозь, люди расходились въ разныя стороны и при всемъ желаніи никакъ уже не могли „вмѣстѣ бить“.

А. С. Изюевъ.

(Перепечатка воспрещается.)

Германскіе лыжники на развѣдкѣ.

БЛОКАДА ГЕРМАНИИ
что ввозилось въ Германію и что теперь остановлено блокадой.

СЛЯКОТЬ.

РАЗСКАЗЪ

I.

АВТОНОМОВЪ стоялъ у письменнаго стола и, захвативъ въ горсть бородку, поглядывалъ на книжные шкапы, полные непрочитанныхъ имъ книгъ и на портреты великихъ писателей, повѣшенные между шкапами и надъ ними «для солидности»; нужно было избрѣсти тему разсказа о чемъ-нибудь военномъ. На столѣ лежали раскрытыя двѣ книги: «Балкъ, Тактика, часть шестая, ученіе о боѣ» и «Будаевскіи, Курсъ артиллеріи, выпускъ третій—Пулеметы, пистолеты и стрѣльба изъ нихъ». Въ нихъ Автономовъ находилъ военныя свѣдѣнія; онъ боялся, чтобы его не уличили въ незнаніи военнаго дѣла, а описывалъ онъ въ своихъ разсказахъ сраженія, свистъ шрапнелей, стрѣльбу пулеметовъ и атаки, хотя самъ, человекъ мирнаго права, боялся всякаго оружія и сломанный, старый, никуда не годный «бульдогъ» запряталъ въ нижній ящикъ стола.

Автономову было тяжело; онъ использовалъ все, что зналъ изъ газетъ. Въ его разсказахъ дѣйствіе происходило и въ русскихъ окопахъ, и въ германскихъ, и во французскихъ траншеяхъ, и на палубѣ англійскаго броненосца, и въ подводной лодкѣ и на аэропланѣ. Были описаны и сестры милосердія, и старые вояки, и юные добровольцы. «О чемъ бы это сейчасъ?—думалъ онъ, хмурясь:—О чемъ звонили колокола? Кто-то писалъ уже. Балерина, уѣхавшая на войну сестрой милосердія и получившая ленточку почетнаго легіона? Было... Что бы такое?»..

Онъ отошелъ отъ стола, приблизился къ шкапу съ книгами, постоялъ подумалъ и, проведя пальцемъ по корешкамъ, обернулся къ секретаршѣ, хилой, сѣрватой дѣвицѣ, сидѣвшей за столикомъ недалеко отъ письменнаго стола.

— Пишите, Анна Петровна.

Она вздохнула и низко нагнула голову, шуря больные, красные глаза.

— Пишите... Кровавый бой... ээ... гм... Утренній туманъ разсѣивался, открывая цѣпь низкихъ горъ, виднѣвшихся на горизонтѣ... мм... а—и... Первый гулкій выстрѣлъ крупнаго орудія разбилъ упругую тишину, царившую вокругъ и раскатился протяжнымъ эхомъ.—Автономовъ сѣлъ въ кресло и приложилъ ладонь ко лбу, заслоняя глаза отъ желтаго свѣта, лежавшаго вокругъ лампы на столѣ, книгахъ, чернильницѣ и фотографіяхъ.—Ээ... мм... поручикъ Томилинь проснулся и, отогнавъ сладкую нѣжащую дремоту, вскочилъ на ноги. Въ груди его кипѣло чувство...—

Автономовъ замолчалъ, задумавшись о томъ, какое чувство должно было кипѣть въ груди поручика Томила...—чувство, молодой, бодрой удали, задора и... м—м...какого-то захватывающаго ожиданія. «Шрапнель»—прошепталъ поручикъ, слыша жуткіи свистъ приближавшейся шрапнели...

Анна Петровна торопливо достала носовой платокъ и высморкалась, мигая свѣтлыми рѣсницами. Автономовъ покосился на нее, заводя глазъ вбокъ, и продолжалъ диктовать дальше. Начинался бой, солнце блестяло на штыкахъ, на орудіяхъ, пуговицахъ, падали раненые, въ воздухѣ летали аэропланы, слышался протяжный вой канонады, а Анна Петровна торопливой, дрожащей рукой выводила стенографическіе значки и безъ слезъ плакала о раненомъ братѣ, котораго везуть домой.

Автономовъ неторопливымъ, тихимъ, голосомъ произнесилъ фразу за фразой, заботясь, чтобы онъ были гладки и ровны.

— Отчего вы плачете?—спросилъ онъ, когда Анна Петровна нечаянно всхлипнула и испуганно-быстро приложила платокъ къ глазамъ.

— У меня братъ... раненъ... везуть сюда.

Автономовъ медленно покачалъ головой.

— Да, это ужасно, ужасно!—проговорилъ онъ и вздыхая, прибавилъ:—Ну, пишите дальше... Надъ батареями взиались облачки и тяжело разсѣкая воздухъ, летѣли снаряды, посылая смерть и разрушеніе...

Диктуя, Автономовъ досталъ изъ ящика стола газетныя вырѣзки—разсказы очевидцевъ и участниковъ сраженій, выбирая мѣста, отчеркнутыя краснымъ карандашомъ.

Недалеко отъ поручика Томила уже опустился на землю аэропланъ и въ летчикѣ Томилинь узналъ своего товарища по корпусу и соперника въ любовныхъ дѣлахъ. Но Томилинь зналъ, что въ этотъ моментъ забыты старые, личные счеты и протянулъ летчику свою руку, которую тутъ же оцарапала вражеская пуля. «Кровь сковала наше примиреніе»,—сказалъ Томилинь,

Автономовъ долго говорилъ тихенькимъ, монотоннымъ голосомъ, и слова струились лѣнливымъ потокомъ, одно—похожее на другое,—чистенькія, аккуратненькія.

— Такъ вотъ, пожалуйста, Анна Петровна,—сказалъ онъ, вставая—перепишите разсказъ поскорѣе, потому что завтра я обѣщаль отдать эту вещь редактору. Я сейчасъ ухожу, а къ моему возвращенію вы сдѣлайте все.

II.

Входя къ Безсоновымъ, у которыхъ собирались по четвергамъ, Автономовъ заглянулъ, раздѣваясь, въ гостиную и увидѣлъ Шаброва, извѣстнаго писателя, пожилого, съ утомленными глазами и нервнымъ, строгимъ лицомъ. Ступая осторожно, носками внутрь, и прижимая лѣвую руку къ животу, Автономовъ обошелъ всѣхъ, сидѣвшихъ въ гостиной, и каждому говорилъ тихенькимъ голосомъ:

— Здравствуйте! Какъ поживаете?

Протягивая руку Шаброву, онъ почтительно улыбнулся и низко наклонилъ голову.

— Съ великимъ удовольствіемъ прочелъ вашу послѣднюю вещицу, Александръ Леонтьичъ.

— Благодарю васъ—отвѣтилъ Шабровъ.

Автономовъ поклонился еще разъ и отошелъ въ уголокъ у рояля. Сидя на стулѣ и сложивъ руки на колѣняхъ, онъ внимательно, прислушивался къ тому, что говорилось, и съ завистью слѣдилъ то за спокойной увѣренной, точной рѣчью Шаброва, то за быстрыми, горячими словами Мѣхова, недавно пріѣхавшаго съ театра военныхъ дѣйствій. И хотѣлось ему быть то Шабровымъ, то Мѣховымъ, говорить, какъ они, спокойно, не смущаясь, но чувствовалъ, что не можетъ этого: и голосъ у него слабенькій, и мысли, всѣмъ давно извѣстныя, аккуратненькія, скромненькія; и боялся, что вдругъ ктонибудь еще возразитъ и посядется.

Шабровъ говорилъ о судьбахъ Россіи, которую нужно сейчасъ защищать до послѣдняго, потому что защита Россіи—не только защита одной Россіи, а очень многого помимо нея, говорилъ о вѣковѣчныхъ стремленіяхъ къ свѣтлой, разумной жизни; Мѣховъ передавалъ свои впечатлѣнія о стойкости, мужествѣ и терпѣніи солдатскомъ. Автономовъ напоминалъ; у него уже возникъ планъ разсказа: докторъ, раненый офицеръ, зарево пожара и этотъ самый разговоръ подъ свистъ шрапнели. «Строкъ на четыреста»—подумалъ Автономовъ.

Рядомъ съ Автономовымъ сѣлъ беллетристъ Лабзинъ, облысѣвшій, одутловатый. Моргая, онъ слушалъ немного Шаброва и наклонился къ Автономову, приближая свое, въ красныхъ жилкахъ, лицо.

— Пророчествуетъ!—шепнулъ онъ, поводя головой въ сторону Шаброва.

Автономовъ подозрительно глянулъ на Лабзина, поджимая губы; онъ боялся сказать опредѣленно свое мнѣніе: не подвохъ-ли какой со стороны Лабзина? Помолчавъ, тихо вздохнулъ и спросилъ:

— То-есть въ какомъ смыслѣ?

— А въ такомъ—зашепталъ Лабзинъ, согрѣвая щеку Автонома своимъ теплымъ дыханіемъ.—Чего ради! Сидитъ и философствуетъ. Скажите, пожалуйста!

Такъ всякій можетъ, да не всякій хочетъ. Получаетъ восемь гривенъ за строку, такъ и думаетъ, что все позволено. Дудки-съ! Извините!

— Скажите! Восемь гривенъ!—Автономовъ покачалъ головой.—Высоко расцѣниваютъ Александра Леонтьевича. Это значитъ—восемьсотъ рублей листъ.

— А что изъ этого?—Лабзинъ сталъ горячиться.—Чѣмъ онъ лучше насъ съ вами? Я недавно такой военный разсказъ написалъ, что никому и во снѣ не снилось. Понимаете, кровью пахнетъ. Ей Богу! Читали?

— Какже, какже, имѣлъ удовольствіе.

— «Въ огнѣ и пламени пожара»?

— Нѣтъ, это я, значитъ, другой вашъ разсказъ прочелъ, а «Въ огнѣ и пламени пожара» непремѣнно прочту. Я, вообще, люблю ваше перо. Въ васъ есть нѣчто отъ Достоевскаго, а также и отъ великаго Толстого.

Лабзинъ расцвѣлъ: глаза стали еще уже, на щекахъ заблестѣла улыбка. Но сейчасъ же нахмурился, чтобы не выказывать особенно своей радости иумышленно-равнодушно прошепталъ, оттопыривая губы:

— Мнѣ что! Я не хвастаюсь, однако. Не то, что Шабровъ. Посмотрите, какъ говорить. Подумаешь! Вообще падаетъ литература!

Автономъ сочувственно вздохнулъ.

— Да, нѣтъ прежнихъ колоссовъ, что и говорить! Но, тѣмъ не менѣе, все-таки...

— Вы пишете что-нибудь новенькое?—спросилъ Лабзинъ.

— Гдѣ тутъ писать!—Автономовъ вспомнилъ о своемъ разсказѣ «Кровавый бой», который стенографистка должна была переписать къ десяти часамъ; взглянулъ украдкой на часы, держа ихъ за бортомъ сюртука и сунулъ ихъ въ карманъ.—Гдѣ писать! Не такое время переживаемъ, чтобы разсказы писать. Помните: писатель, если онъ волна, а океанъ—Россія, не можетъ быть не...

— Да ужъ знаю, знаю!—перебилъ недовѣрчиво Лабзинъ. Поди настрочили всякихъ произведеній, а потомъ тихонько изъ-подъ полы и начнете высовывать. Знаемъ!

Автономовъ обидѣлся. Но, никогда не показывая своихъ обидъ, махнулъ рукой.

— Ну, вы скажете!

Пришли еще въ гости; стало шумнѣй. Въ разныхъ мѣстахъ гостиной сидѣли и стояли, и нѣсколько отдѣльныхъ разговоровъ смѣшивались, перебивая одинъ другой. Автономовъ, обиженный на Лабзина, холодно отвѣчалъ на его вопросы, гмыкая и сухо покашливая. Лабзину надоѣло говорить съ Автономовымъ и онъ озирался по сторонамъ, выискивая подходящаго собесѣдника. Увидѣвъ знакомую барышню, подошелъ къ ней и заговорилъ о курсахъ, а въ серединѣ разговора

заявилъ, что на дняхъ ѣдетъ на передовыя позиціи. Никуда онъ не собирался ѣхать, но произнося эти слова, рѣшилъ, что это звучитъ недурно. «Надо будетъ еще кому-нибудь сказать. Это возбуждаетъ интересъ».

У круглаго стола съ большой лампой заспорили громко. Автономовъ насторожился и незамѣтно сталъ пробираться туда, извиняясь по дорогѣ и прижимая обѣ руки къ груди. Но когда онъ присѣлъ на краешекъ кресла, чтобы послушать, разговоръ прекратился, и Автономовъ услышалъ только послѣднія слова Шаброва:

— Дальше изображенія военнаго факта балетристы не идутъ. А это узко. Отъ нихъ ускользаетъ внутренняя сущность, внутренни смыслъ событіи. Да, впрочемъ, они имъ почти не интересуются.

Онъ замолчалъ и сталъ закуривать папиросу. Бросая спичку въ пепельницу, онъ оглянулся и встрѣтился глазами съ почтительнымъ и внимательнымъ взглядомъ Автономова.

III.

Анна Петровна переписала разсказъ на машинѣ и аккуратно сложила листки на письменномъ столѣ, передъ чернильницей. Ей можно было уйти домой, но дома—плачь, тоска, тревожное ожиданіе раненаго. Многое стало непонятно, многое въ жизни оказалось такимъ запутаннымъ и страшнымъ, что одной было не подъ силу рааобратиться въ новыхъ мысляхъ.

Много разъ она хотѣла поговорить съ Автономовымъ. „Онъ—писатель,—думала она:—много знаетъ видитъ больше, чѣмъ мы, простые смертныя, онъ долженъ сказать“.

Анна Петровна не знала, что именно онъ «долженъ» сказать, что скажетъ ему сама она, но вѣрилось, что стоитъ только начать и все будетъ ясно, просто и легко. Сказать трудно, но она сегодня скажетъ, непременно скажетъ.

Она услышала стукъ двери въ передней. Пришелъ Автономовъ. «Съ чего начать ему?—думала Анна Петровна.—Разскажу ему о братѣ. Сережа, милый, добрый Сережа, раненый ѣдетъ. Дай Богъ, чтобы не опасно, не тяжело, чтобы не былъ изуродованъ».

Вошелъ Автономовъ въ домашнемъ пиджакѣ.

— Ну что? Кончили?

— Да.

Онъ взялъ со стола листки разсказа, бѣгло просмотрѣлъ ихъ и положилъ обратно.

— Ну, хорошо. Теперь, Анна Петровна, вы совершенно свободны.

Анна Петровна покраснѣла, замигала рѣсницами; лицо ея мѣстами покраснѣло. Она перевела дыханье и быстро, смущаясь и понижая голосъ, заговорила:

— Я васъ давно хочу спросить... вотъ, война... смерть... ради чего все это? Зачѣмъ?

Автономовъ поднялъ бровь и покосился.

— Вы развѣ не читаете газетъ? Международная ситуация, предшествовавшая войнѣ, совершенно ясна.

— Я знаю, знаю газетную правду,—перебила, волнуясь, Анна Петровна,—Я ищу другую правду, для себя, я ищу правду себѣ... Вотъ мой братъ, онъ раненъ... пусть это будетъ оправданіемъ его жизни... а мнѣ какое можетъ быть оправданіе? Какое оправданіе моей жизни?

Автономовъ помолчалъ, наморщивъ лобъ.

— Это субъективно... и неопредѣленно—сказалъ онъ тихимъ голосомъ.—У каждого человека—свое... У философа—одно, у художника—другое, у...

Анна Петровна посмотрѣла на его спокойное лицо, аккуратненькую бородку лопаточкой, на волосы, твердые и толстые,—каждый волосъ отдѣльно замѣтный, и вдругъ всѣмъ своимъ существомъ, душой и сердцемъ поняла, что его нечего спрашивать и онъ можетъ такъ же помочь, какъ карандашъ въ его рукахъ или чернильница. Торопливо поблагодаривъ удивленнаго Автономова, она ушла и лицо ея было жалостливо-изумленное и тоскливое.

— Неуравновѣшенная... истеричка—сказалъ себѣ Автономовъ, садясь въ кресло передъ столомъ.—Надо будетъ использовать гдѣ-нибудь этотъ типъ.

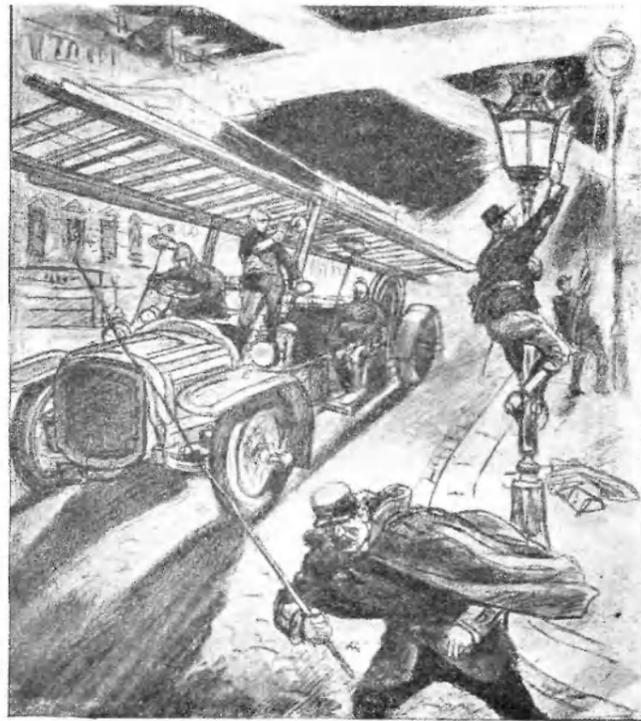
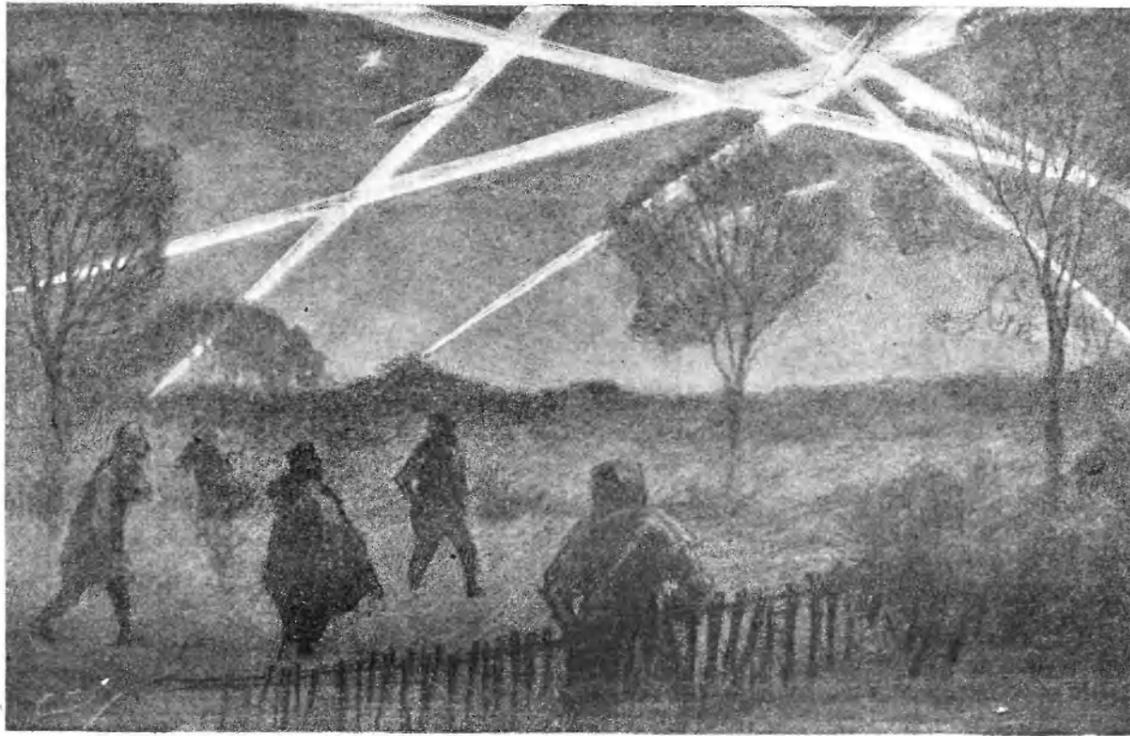
Пододвинувъ къ себѣ рукопись, онъ подсчиталъ строки и написалъ на клочкѣ бумажки: $427 \times 25 = 106$ р. 75 к.

— Однако, ничего себѣ... Все-таки за сотню.—Онъ улыбнулся.—А Лабзину будетъ неприятно. Такъ тебѣ и надо, голубчикъ... А публикѣ разсказъ вѣроятно, понравится... Довольно рельефно сдѣланъ.

Онъ прочиталъ разсказъ, поправляя ошибки иставляя восклицательные знаки, аккуратно сложилъ его и потянулъ къ себѣ книгу: «Будаевскіи. Курсъ артиллеріи. Выпускъ третій.—Пулеметы, пистолеты и стрѣльба изъ нихъ». Но сначала читать мѣшали злыя, завистливыя мысли о Шабровѣ. Автономовъ сознавалъ, что онъ сѣренькій, аккуратненькій приличненькій, а Шабровъ—яркій, весь изъ контрастовъ, смѣлый, главное, смѣлый. А за смѣлость особенно Автономовъ его не любилъ.

Леонидъ Добронравовъ.

НАЛЕТЪ ЦЕППЕЛИНОВЪ НА ПАРИЖЪ.

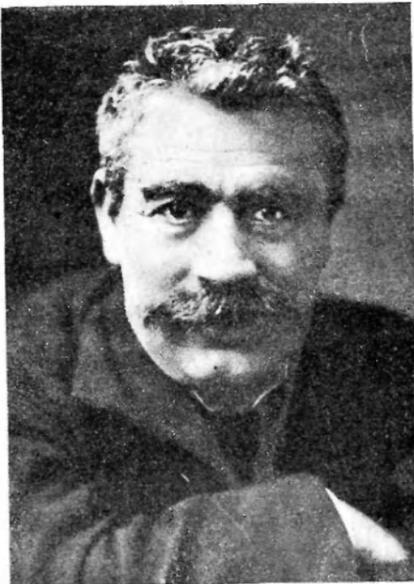

Давно ожидавшися налетъ цеппелиновъ на Парижъ состоялся въ воскресенье, около 1 часу ночи, и былъ совершенно неудаченъ; убытки, причиненные сброшенными съ четырехъ цеппелиновъ бомбами, ничтожны; убитыхъ не было; полиція приняла всѣ предосторожности, чтобы предупредить обывателей о предстоящей опасности и о возможности пожара.

ИСААКЪ-ЛЕВЪ ПЕРЕЦЪ

Умеръ Исаакъ-Левъ Перецъ. Глубокій ударъ нанесла эта смерть молодой еврейской литературѣ. Покинулъ немногочисленную рать еврейскихъ писателей одинъ изъ старѣйшихъ годами, но юнѣйшихъ духомъ. Болѣе пламенной, болѣе мятущейся души не было въ ново-еврейской литературѣ.

Перецъ родился въ 1851 г. въ Замостьѣ, маленькомъ городкѣ Люблинской губернии. Здѣсь получилъ онъ традиционное воспитаніе въ начальной религиозной школѣ. Но казуистика Талмуда чужда была пламенному уму его; и еще въ отрочествѣ онъ изучилъ самостоятельно еврейскую средневѣковую философію. Затѣмъ наступилъ періодъ увлеченія европейской литературой. Юность Переца совпала съ т. наз., просвѣтительнымъ движеніемъ (гасколо) въ еврейской средѣ; онъ сталъ однимъ изъ самыхъ яркихъ поборниковъ этого движенія, провозглашавшаго необходимость европейскаго просвѣщенія для косной еврейской массы. Первые произведения Переца (онъ началъ писать въ 1876 г.) носятъ преимущественно наивно обличительный характеръ. Мало по малу талантъ его зрѣетъ, становится сдержаннѣй и строже въ реалистическихъ очеркахъ, рисующихъ безотрадныя будни еврейской жизни (девятиностые годы) и наконецъ достигаетъ высшаго своего расцвѣта, принимая къ истокамъ народ

ной мистики. Хасидизмъ въ его лучшихъ представителяхъ — благостно-кроткихъ чудотворцахъ и странникахъ, хасидизмъ, противопоставляющій молитву — мертвой обрядности и бурное эмоциональное начало — освященной вѣками раввинской традиции — нашель своего вдохновеннаго пѣвца въ Перецѣ, («Народныя сказанія», 1909).

Наиболѣе характерная черта таланта Переца — его многосторонность. Онъ отдалъ дань всѣмъ современнымъ ему теченіямъ европейской литературы (народничество, реализмъ, символизмъ); онъ писалъ на двухъ языкахъ — разговорно-еврейскомъ и древне-еврейскомъ (на послѣднемъ — небольшой сборникъ стиховъ и публицистическія статьи); въ неустанномъ горѣни своемъ онъ смѣшивалъ всѣ роды и стили творчества; въ лирикѣ, эпосѣ, драмѣ, публицистикѣ — всюду остался слѣдъ неукротимаго его духа. Онъ придалъ удивительную гибкость и пѣвучесть языку, который лишь недавно сталъ языкомъ литературы. И чѣмъ больше будетъ развиваться молодая еврейская литература, тѣмъ болѣе возрастетъ значеніе этого своеобразнаго писателя, который умѣлъ быть глубоко народнымъ, искусственно никогда не приспособляясь къ народу.

С. М-ая.

ВСЕ ПРЕКРАСНО.

(Разсказъ И. Л. Переца).

Вы спрашиваете, что помогло мнѣ остаться евреемъ.

Это заслуга не моихъ родителей, а моя собственная. Я помню себя шестилѣтнимъ школьникомъ; отецъ мой былъ деревенскій еврей, проживавшій близъ Вильны — попросту хозяйственный, семейный человѣкъ.

Но если я остался евреемъ, то этимъ я обязанъ лишь «старцу изъ Шполы».

Вы спросите: какъ попалъ я къ «старцу изъ Шполы».

Въ ту пору онъ вовсе не былъ еще „шполянскимъ старцемъ“, а былъ молодъ и странствовалъ по свѣту. Онъ долго скитался съ нищими, переходя отъ одной общины къ другой, отъ одного постоялаго двора къ другому, убоги, оборванный, какъ и всѣ остальные, а что тайлось тогда у него въ душѣ — поди-ка догадайся...

А когда закончились скитанія, все еще не настала для него пора открыться. Тогда онъ явился на духовный судъ въ Вильну, получилъ разрѣшеніе на убой скота и сдѣлался въ деревнѣ рѣзникомъ. Онъ уже больше не странствовалъ по свѣту, а жилъ неподалеку отъ Вильны. Но у миснаговъ *) есть нюхъ: они что-то почуяли. И вотъ его стали преслѣдовать, взводить на него разные поклепы, доносить духовному суду,

что онъ нарушаетъ всѣ законы Торы. Вотъ на что миснагды способны!

Какъ я уже сказалъ, мнѣ было тогда шесть лѣтъ. Онъ часто приходилъ къ намъ рѣзать скотъ, а иной разъ и просто переночевать, и я его очень любилъ. Да и кого мнѣ было еще любить, кромѣ отца и матери, если не его? Учитель былъ у меня нрава вспылчиваго, чуть что не разбойникъ, а это былъ добрый, душевный человѣкъ, какъ глянетъ на тебя — просто душа оживаетъ. Но поклепы сдѣлали свое: у него отняли должность рѣзника. Не обошлось тутъ и безъ козней моего учителя. Едва рѣзникъ явился къ намъ, онъ принялся кричать: измѣнникъ! отщепенецъ! — потомъ хватъ его за шиворотъ и вышвырнулъ за порогъ. Словно ножомъ рѣзнуло меня по сердцу; но учителя я боялся пуще смерти, и только потомъ, когда онъ отошелъ въ сторону, я выскользнулъ изъ комнаты и догналъ рѣзника по дорогѣ, начинавшейся у нашего дома и ведущей къ лѣсу. Лѣсъ этотъ тянулся до Вильны. Какая была у меня тутъ цѣль — я и самъ не зналъ, но что то неудержимо влекло меня къ бѣдному рѣзнику. Хотѣлось хоть попрощаться съ нимъ, хоть разъ еще взглянуть въ его ласковые глаза.

И вотъ бѣгу я, бѣгу, калѣчу себѣ ноги о придорожные камни, а впереди ни души. Сворачиваю на

*) Евреи — раввинисты, противники хасидизма.

право, спускаюсь въ лѣсъ и собираюсь отдохнуть немало на мягкой землѣ. Только хочу усѣсться, какъ вдругъ слышу знакомый голосъ изъ чащи лѣса: не то читаетъ онъ, не то поетъ что то. Пробираюсь тихонько впередъ и вижу издали моего рѣзника: стоитъ онъ подъ деревомъ, и раскачивается въ разныя стороны, Прислушиваюсь—читаетъ вслухъ «Пѣсню пѣсней». Вглядываюсь пристальнѣе, и вижу, что дерево, подъ которымъ стоитъ онъ, не такое, какъ другія: тѣ безлиственны, голы, а это зеленѣетъ, и цвѣтетъ, и сияетъ, какъ солнце, и простираетъ зеленыя вѣтви надъ головою рѣзника, словно ельникъ. И птицы стайками порхаютъ межъ вѣтвей и распѣваютъ вмѣстѣ съ нимъ «Пѣсню Пѣсней». Я совсѣмъ былъ ошеломленъ, стою да стою, разинувъ ротъ и широко раскрывъ глаза.

Но только кончилъ онъ свою «Пѣсню Пѣсней», какъ дерево поблекло, птицы исчезли, а онъ обратился ко мнѣ и ласково такъ говоритъ:

— Слушай, Юдель, у меня къ тебѣ просьба.

— Хорошо,—говорю я радостно, а самъ думаю: онъ навѣрно хочетъ, чтобы я досталъ ему чего-нибудь поѣсть. И я ужъ готовъ бѣжать и опустошить весь маминъ шкафъ съ субботними припасами. Но онъ говоритъ:

— Слушай, то, что ты видѣлъ, пусть при тебѣ и останется.

Радость моя гаснетъ, и я серьезно и твердо обещаю ему молчать.

— Послушай-ка еще, Юдель,—говоритъ онъ: ты пойдешь въ далекий путь, очень далекий и долгий.

Я дивлюсь: откуда вдругъ у меня возьмется далекий и долгий путь? А онъ продолжаетъ:

— Уроки твоего учителя люди вышибутъ у тебя изъ головы, отца и мать ты забудешь, но смотри, оставайся при своемъ имени: тебя зовутъ Юдель, оставайся же евреемъ.

Я пугаюсь, но изъ глубины души вырывается:—Да, непременно, клянусь жизнью.

А на умѣ у меня все свое. «А ѣсть, говорю, хотите?»

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ онъ уже скрылся изъ виду...

Черезъ недѣлю меня забрали въ кантонисты.

Прошло много времени, и все я перезабылъ, все вышибли у меня изъ головы. Я служилъ въ глубинѣ Россіи, въ краю снѣговъ и жестокихъ морозовъ, не встрѣчалъ ни одного еврея; можетъ быть тамъ и жили тайкомъ какіе нибудь евреи, но я о нихъ не зналъ. Не зналъ я ни субботы, ни праздниковъ, ни постовъ—все было забыто. Но религіи я не перемѣнилъ. Чѣмъ больше забывалъ я старое, тѣмъ больше подстрекалъ меня злой духъ избавиться отъ этихъ мукъ, страданій, положить всему этому конецъ. Но когда злая мысль приходила въ голову, онъ появлялся передо мной на яву, я слышалъ явственно его голосъ: оставайся при своемъ имени, будь евреемъ. И я зналъ навѣрно, что это не было пустымъ сномъ, потому что съ каждымъ разомъ онъ становился все старше, все бѣлѣй была его борода и кудри, блѣднѣе лицо, но глаза остались тѣ-же—ласковые, и голосъ пѣвучій, какъ скрипка.

.....
.....
.....
.....

Однажды,—это было въ послѣднемъ году моей службы—я долженъ былъ стоять на часахъ у цейнгауза за городомъ. Были сумерки, бушевала снѣжная вьюга. Вѣтеръ поднималъ громадные сугробы и дробилъ ихъ на тысячи иглъ, растиралъ въ пыль, и снѣжная пыль, и снѣжныя иглы носились въ воздухѣ, били въ лицо, кололи, такъ что нельзя было ни открыть глаза, ни вздохнуть. Вдругъ слышу кто то вблизи пробирается и говоритъ по еврейски: „сегодня канунъ Пасхи“. Былъ ли это голосъ съ неба или человѣческій голосъ—я до сихъ поръ не знаю... Но слова эти свинцомъ пали мнѣ на сердце, и едва приблизился я къ цейнгаузу и началъ шагать взадъ и впередъ, такая тоска и грусть взяли меня, что не описать: захотѣлось мнѣ непременно читать агаду, а я ни словечка оттуда не припомню. Чую—гдѣ то глубоко, глубоко въ сердцѣ лежитъ она, агада, вѣдь когда то я наизусть ее зналъ; чувствую, что стоитъ припомнить лишь одно слово, и все остальное само собою придетъ, подымется изъ глубины души, какъ стая уснувшихъ птичекъ изъ подъ снѣга. Но никакъ не могу припомнить. „Господи—восклицаю я всей душой—дай слово, одно хоть слово“. И въ добрый часъ призвалъ я Бога. Мнѣ вспомнилось: „рабами мы были“. Слова эти словно съ неба низошли ко мнѣ, и охватила меня великая радость. Чувствую, что радость переполняетъ меня, рвется наружу, лучится изъ глубины души, а я все шагаю взадъ и впередъ съ ружьемъ на плечѣ, и твержу, и пою агаду этому бѣлоснѣжному, зачарованному міру. И она тянулась изъ души моей наружу, эта агада, какъ золотая цѣпь, какъ жемчужная нить—ахъ, вы этого не можете понять, не можете постичь—вамъ нужно было бы побывать на моемъ мѣстѣ.

А вѣтеръ между тѣмъ улегся, вьюга стихла, и показалось ясное сияющее небо, и міръ весь бѣлый засверкалъ брилліантами... Тихо было вокругъ и бѣло, безграничная даль, бѣлизна безпредѣльная, тихая, ровная, сладкая, раздольная бѣлизна... И надъ тихой этой далеко раскинувшейся бѣлизной вдругъ вижу—появился кто то еще болѣе свѣтлый, бѣлый, сияющій... Онъ идетъ, идетъ издалека, одѣтый въ саванъ и молитвенное облачение. Облачение накинуто на плечи и свѣшивается на него дрожащая серебристая борода, выше свѣтятся глаза, а надъ ними—сияющій вѣнецъ и шляпа съ золотыми и серебряными позументами. Онъ подходитъ все ближе, проходитъ мимо, и поровнявшись со мной, говоритъ:

— Все прекрасно!

Словно скрипка пропѣла, и все исчезло.

На возвратномъ пути я проѣзжалъ черезъ Шполу и зашелъ къ «старцу». Мы узнали другъ друга.

Перев. С. М.

Б. Кустодіевъ.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ

«Міръ Искусства».

„МІРЪ ИСКУССТВА“.

I.

Изъ всѣхъ петроградскихъ выставокъ выставка „Міра Искусства“ была всегда самой интересной и самой содержательной. Значеніе выступленія этого кружка культурнѣйшихъ нашихъ художниковъ заключалось не только въ художественности выставленнаго, но и въ опредѣленности идеи, которой были воодушевлены проповѣдники новаго искусства въ Россіи.

Какъ полъ-столѣтія назадъ—„передвижная“, такъ и недавнія дягилевскія выставки обладали строгой, опредѣленной программой, были законченнымъ художественнымъ цѣлымъ. Передвижники за долгое время своей дѣятельности, можетъ быть, растеряли и тѣ немногія крохи истиннаго искусства, которымъ обладали когда то, но они сохранили и по сіе время прежнюю стойкость убѣжденія.

„Міръ искусства“ является попрежнему интереснѣйшей нашей выставкой, попрежнему почти исключительно по работамъ этого кружка художниковъ мы можемъ судить о жизни нашего искусства за истекшій годъ, но напрасно мы стали бы искать въ его выставкахъ прежней ясности программы.

Какъ будто стрѣлка, раньше такъ точно указывавшая направление всѣхъ исканій кружка, превратилась въ маятникъ, и маятникъ съ довольно широкимъ размахомъ.

Отъ „футуристическихъ“ „Спиралей“ Якулова и попытокъ въ „послѣднемъ французскомъ стилѣ“ Ержоско, Карева etc., и до скромно добросовѣстныхъ акварелей Верховской и „академически“ безграмотнаго портрета кн. С. М. Волконскаго—Сорина, маятникъ отхватываетъ огромное пространство нашей художественной нивы. „Міръ искусства“, бывший раньше обособленнымъ цѣльнымъ міркомъ, расползся въ ширь и сталъ просто случайно вырѣзаннымъ кускомъ всего нашего художественнаго міра.

Прибавьте ко всему, выставленному на Марсовомъ полѣ, нѣсколько примѣровъ творчества „Трамвая“, съ одной стороны, и „Товарищества“ съ другой, т. е. ультра—лѣвые и инфра—правые, недоступные взору критики лучи, и вы получите полный спектръ, полный ретроспективный обзоръ всѣхъ теченій нашего искусства.

Говорить объ идеѣ выставки при этихъ обстоятель-

ствахъ трудно. Трудно уловить даже общую ея физиономию.

И, вспоминая славное прошлое дягилевскихъ выставокъ, намъ хочется поставить вопросъ: въ чемъ же кроются причины того внутренняго разложенія, признаки котораго явствуютъ несомнѣнно въ настоящемъ положеніи вещей. Вѣдь участники прежнихъ выставокъ работаютъ и теперь почти съ прежнимъ, а иногда и съ большимъ рвеніемъ, и отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ могло бы измѣнить лишь случайный составъ выставки, но не ея идеи. Вѣдь невѣроятно, чтобы единственнымъ вдохновителемъ всего художественнаго дѣла, положившаго такой глубокой слѣдъ на жизни нашего искусства послѣднихъ десятилѣтій, являлся только... Дягилевъ. Не слѣдуетъ ли предположить, что въ самой идеѣ заключалась причина ея недолговѣчности?

Теперь мы можемъ уже съ большей увѣренностью утверждать, что главная историческая заслуга «Мира Искусства» заключалась въ его художественно-просвѣтительной дѣятельности. Благодаря ей открылись русскому искусству и новѣйшія достижения западнаго искусства, и прелесть нашей старины (развѣ не «Міру Искусства» принадлежитъ честь «открытія» петроградской архитектуры?), и широкія области прикладныхъ искусствъ. То, что проповѣдывалъ журналъ «Міръ Искусства», иллюстрировалось примѣрами выставокъ, и плоды этой работы были дѣйствительно огромны: у насъ возродился театръ, книжная графика, архитектурная живопись, мы научились увлекаться стариной, понимать французскій импрессионизмъ.. Художники, широко знакомые съ Западомъ, (вѣдь почти всѣ художники этой группы много лѣтъ «учились» за границей, какъ: Бенуа, Лансерре, Сомовъ, Бакстъ, Добужинскій и др.), разнообразно одаренные, являлись одновременно нашими учителями во всѣхъ вновь открытыхъ областяхъ искусства. Почти всѣ художники «Мира Искусства» работали и на поприщѣ театральнаго искусства, и украшенія книги, и живописи, въ узкомъ значеніи слова, и прикладнаго искусства, но... почти никто изъ нихъ не является профессионаломъ въ какой либо изъ перечисленныхъ областей.

Художественно-просвѣтительная дѣятельность кружка была той программой, которая создала связь между художниками, весьма разнородными по своимъ стремленіямъ.

Одного взгляда на живопись, единого искусствопониманія намъ никогда не удастся замѣтить въ творчествѣ Сѣрова и Сомова, Бенуа и Бразы, Добужинскаго

Б. М. Кустодіевъ.

КУПЧИХА.

и Сапунова... Они не имѣли его, точно также, какъ и журналъ «Миръ Искусства», сегодня восхищавшіяся Васнецовымъ и Беклиномъ, а на слѣдующій день отрицавши и того и другого, чтобы преклониться передъ Манэ или неоимпрессионистами.

Объединеніе художниковъ было чисто внѣшнее, ихъ программа была только *формальной*, и въ этомъ кроются причины того колебанія, которое мы наблюдаемъ теперь. Просвѣтительная миссія «Мира Искусства» должна была закончиться, когда публика поднялась до пониманія новаго искусства, когда искусство доросло до того уровня, гдѣ самый изысканный диллтантизмъ кажется уже неудовлетворительнымъ и требуются *профессионалы*—художники. Программа исчерпалась съ того момента, когда появились специалисты художники театра, графики, критики... и даже художники «картинъ», какъ случайно промелькнувши А. Яковлевъ.

«Міру Искусства» предстояла дилемма: или разстаться со своей просвѣтительной ролью и сосредоточиться на разработкѣ вглубь своихъ живописныхъ завоеваній, какъ это сдѣлалъ отдѣлившіеся «Союзъ», или вбирать въ себя новые и новые элементы, рискуя раствориться въ нихъ и завершая этимъ свою историческую роль ознакомленія публики съ достижениями новаго искусства.

Современный «Миръ Искусства» избралъ послѣдній путь, и когда то такъ опредѣленно направленная стрѣлка беспомощно заколебалась въ воздухѣ...

Намъ трудно поэтому говорить о *выставкѣ* этого года, и мы перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ

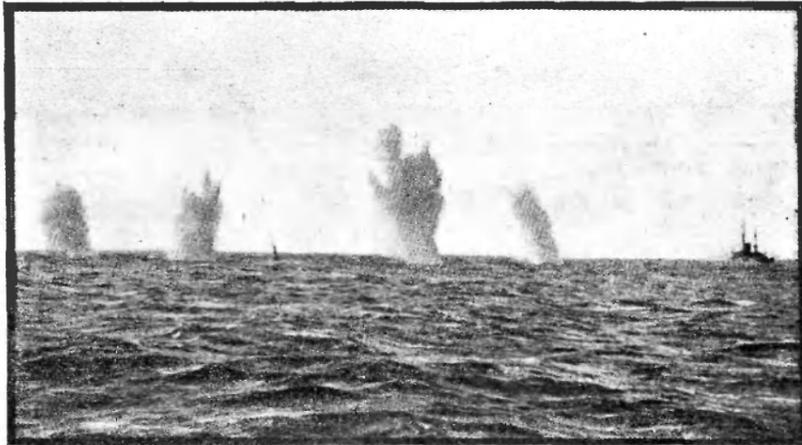
произведеній и отдѣльныхъ художниковъ, изъ которыхъ въ этомъ году однимъ изъ первыхъ и по качеству и по количеству выставленнаго является Кустодіевъ.

Для тѣхъ, кто слѣдилъ за развитіемъ кустодіевскаго искусства, его работы этого года не покажутся неожиданными. Всѣ стремленія художника уже нѣсколько лѣтъ направлены въ сторону стиля, и стиля—современнаго намъ, русскаго, но въ то же время индивидуальнаго, чуждаго всякой ретроспективности. Кустодіевъ ищетъ языкъ для большой современной *картины*. Его неудовлетворимость *этидоломъ* вытекаетъ, быть можетъ, не только изъ теоретическихъ взглядовъ на искусство, причина лежитъ въ самомъ характерѣ дарованія Кустодіева. Художнику мало удаются работы, которыя должны быть цѣнными компановкой природы и умѣниемъ выискать красоту красочной гаммы въ любомъ сочетаніи цвѣтовъ, какъ это безподобно удавалось Сѣрову. Кустодіевъ обладаетъ чрезвычайно вѣрнымъ глазомъ, почти «абсолютнымъ зрѣніемъ» въ области цвѣта, но его гамма, своей жесткостью (какъ въ портретѣ Е. И. Базилевской), выдаетъ близость художника къ передвижникамъ, въ частности, къ Рѣпину.

Интереснѣе всего, поэтому, тѣ работы Кустодіева, цѣнность которыхъ лежитъ въ ихъ картинномъ замыслѣ. Такими работами являются на выставкѣ: «Купчиха» и «Красавица».

Нѣкоторые недостатки рисунка въ «Красавицѣ» охотно прощаются нами ради того новаго и многообѣщающаго слова, которое чувствуется въ серьезномъ замыслѣ и продуманномъ стилѣ этой картины.

Николай Радловъ.

Взрывъ минъ.

Помѣщенный въ № 9 «Отечества» набросокъ Эмиля Верхарна «Фландрія» переведенъ Анс. Чеботаревской. Ред.

СОДЕРЖАНІЕ:

А. С. Изгоевъ. На порогѣ ногаго. ♦ Л. Добронравовъ. Слякоть, рассказъ. ♦ С. М.-ая. Исакъ-Левъ Перець. ♦ И. Л. Перець. Все прекрасно. Рассказъ. ♦ Н. Радловъ. «Миръ Искусства». Рисунки: Блокада Германіи (графикъ), воспроизведенія съ картинъ В. М. Кустодіева «Крестный ходъ» и «Купчиха».

Федоръ Сологубъ.

ВОЙНА.

СТИХИ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

Леонидъ Добронравовъ.

РАЗСКАЗЫ.

цѣна 1 руб.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

**ВОЙНА
ВЪ ЦИФРАХЪ.**

Статистическія данныя изъ новѣйшей военной исторіи. Сост. М. Р. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность арміи.—Напряженность и колебанія отд. войн.—Причины обуславлив. исходъ войн.—Кровопрлитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и материальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вследствие военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

цѣна 50 коп.

Леонидъ Андреевъ.

**КОРОЛЬ.
ЗАКОНЪ и СВОБОДА.**

ПЬЕСА въ 6 картинахъ.

цѣна 75 коп.

**ПЕРВАЯ * *
* * СТУПЕНЬ.**

(О Еврейскомъ вопросѣ).

цѣна 20 коп.

Чистая прибыль поступаетъ въ „Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны“.

Изданная отдѣльной брошюрой горячая статья Л. Андреева говоритъ о мучительнѣйшемъ вопросѣ русской свѣсти.—вопросѣ еврейскомъ; только съ разрѣшеніемъ его въ смыслѣ полной ликвидаціи еврейскаго безправія исчезнетъ, по образному андреевскому слову, горбъ, неподвижный и уродливый наростъ съ русской спины. Съ этимъ горбомъ, съ неликвидированнымъ еврейскимъ вопросомъ Россія—уродъ въ семьѣ европейскіхъ народовъ, она «неразгаданная угроза культурѣ Европы». Кому можетъ быть выгодно такое наше положеніе урода и «варвара»? — Только Германия,—отвѣчаетъ Леонидъ Андреевъ,—русскій антисемитизмъ—козырь въ нѣмецкой игрѣ. Война принесла русскому обществу великую жажду самоуваженія. Но «начало нашего самоуваженія, безъ котораго Россія не быть,—конецъ еврейскихъ страданій». «Пройдутъ черные дни войны,—заканчиваетъ авторъ свою статью,—и нынѣшніе «варвары»—германцы снова станутъ культурн. германцами, къ голо у которыхъ снова будетъ прислушиваться мѣръ. И необходимо, чтобы ни этотъ голо и никакой другой уже больше никогда не произнесъ во всеуслышаніе: варвары русскіе».

Русск. Вѣд.

Алексеѣй Ремизовъ.

**ЗА СВЯТУЮ
РУСЬ.**

**ДУМЫ О РОДНОЙ
ЗЕМЛѢ.**

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Александръ Блокъ.

**СТИХИ
О РОССИИ.**

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

А. Гринъ.

**ЗАГАДОЧНЫЯ * * *
* * * * * ИСТОРИИ.**

цѣна 1 руб.

ГОТОВИТСЯ
КЪ ПЕЧАТИ:

М. Горькій, СКАЗКИ. ИЛЛЮСТР. Худ. И. Бродскаго.

ОТЕЧЕСТВО

Иллюстрированная летопись жизни.

В знаменательный исторический момент, когда все народы, населяющие нашу родину, в борьбе с врагами выковывают счастье и величие России, журнал „Отечество“ ставит своей задачей всестороннее освещение событий творящейся жизни. Уделяя преимущественное внимание вопросам будущего строительства родины, „Отечество“ девизом своим ставит: *мирное сожительство, преуспѣяніе и равенство всѣхъ гражданъ Россіи, всѣхъ народовъ ея*. Въ развитии культурно-национальных цѣнностей каждой отдельной народности—залогъ величія объединяющей всѣ эти народности России, которая является *отечествомъ для всѣхъ*.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала помѣстили свои произведенія:

Леонидъ Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Ахматова, А. Н. Бенуа, И. А. Болуэнъ-де-Куртенъ, Ал. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, М. Горькій, Г. Гребеншиковъ, А. С. Гринъ, Н. С. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, Л. Добронравовъ, Е. А. Зноско-Боровскій, Вяч. Ивановъ, А. Изгоевъ, Игорь - Сѣверянинъ, Д. А. Крючковъ, П. Н. Милуковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Пэрсъ, С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рысскъ, М. А. Славинскій, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, П. Б. Струве, В. Танъ, М. Толмачева, Тэффи, С. Л. Франкъ, А. Чаныгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, Г. И. Чулковъ, Вяч. Шишковъ, Г. Н. Штильманъ, П. Е. Шеголевъ.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Радловъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ, и др.

Редакторъ-Издатель

З. И. ГРЖЕБИНЪ.

Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖУРНАЛЪ ОТЕЧЕСТВО

принимаются въ главной конторѣ, Невскій 55, тел. 248-77, по цѣнѣ за строку непареля: до текста 1 р., послѣ текста 80 к., за страницу 300 р. Публикаціи въ краскахъ, по рисункамъ художниковъ, по соглашенію. По первому требованію (можно по телефону) главная контора командировуетъ агентовъ.

Въ отд. продажъ

10 коп.

На станціи, ж. дор.

12 коп.

„Отечество“ имѣется въ продажѣ у всѣхъ газетчиковъ и на ст. ж. д.

Пробный номеръ высылается за 15 к. марками.

Цѣна Подписки:

съ достав. и пересылкой

на годъ

на полгода

7 руб. 3,50 коп.

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКІЙ пр., 55.

Не принятыя рукописи не возвращаются.

Типо-литогр. «Евг. ТИЛЕ преemn.», Петроградъ, Лифляндская, 6.

Редакторъ-Издатель **З. И. Гржебинъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕЧАТНЯ